

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.125-136

А. В. Корнев*

Критика «буржуазных» политических доктрин: познание через отрицание¹

Аннотация. В историографии политических и правовых учений наряду с общенаучными методами исследований используются традиционные: хронологический, проблемный, портретный, страноведческий. Критический подход применяется во всех видах исследований политических идей. Между тем в историографии данному методу не уделяется того внимания, которого он заслуживает. Критика всегда предполагает оценку эмпирического и теоретического материала, который содержится в различных текстах (источниках). Продуктивность данного метода очевидна. Критический подход позволяет оценить научное содержание той или иной политической доктрины, а также практические перспективы ее реализации. Критика предполагает глубокое погружение исследователя в проблему и максимальную объективность в оценках полученных результатов. Как раз этого чаще всего недостает. Правовая сфера уже политической и является ее составной частью. Политические доктрины, равно как и закон (одна из форм выражения права), всегда связаны с интересами социальных групп (в прежней терминологии — классов). В этой связи ожидать нейтральности в оценках не приходится. Так было во времена тотального администрирования в области социальных наук, так происходит и сегодня, когда декларированы методологический плюрализм и идеологическое многообразие. В советский период особенной критике подвергались «буржуазные» доктрины и их творцы. Как показало время, эта критика во многом была обоснованной. История как таковая с завидным постоянством подтверждает любопытную закономерность: «прогрессивные» мыслители со временем становятся «реакционными», равно как и наоборот. Причем не только в нашей стране. В статье констатируется двойственная направленность критики. С одной стороны, критический подход позволяет более объективно оценить политико-правовую доктрину, и в этом проявляется его познавательный (когнитивный) аспект. С другой стороны, критика дает шанс исследователю донести до читателя суть любой теории, доктрины, идеи и предоставить ему возможность самому их оценить. В условиях фактического цензурирования критика остается едва ли не единственным жанром характеристики политико-правовых доктрин.

Ключевые слова: антитезис; аргументация; буржуазный; государство; доктрина; критика; право; познание; политика; оценка; отрицание; синтез; тезис; теория; учение.

Для цитирования: Корнев А. В. Критика «буржуазных» политических доктрин: познание через отрицание // *Lex russica*. — 2021. — Т. 74. — № 10. — С. 125–136. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.125-136.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2021

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

avkornev@msal.ru

Criticism of “Bourgeois” Political Doctrines: Cognition through Denial²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
avkornev@msal.ru

Abstract. In the historiography of political and legal doctrines, along with general scientific research methods, traditional methods are used: chronological, problematic, portrait, country studies. The critical approach is applied in all types of research of political ideas. Meanwhile, in historiography, this method is not given the attention it deserves. Criticism always involves an assessment of the empirical and theoretical material contained in various texts (sources). The productivity of this method is obvious. A critical approach makes it possible to assess the scientific content of a particular political doctrine, as well as the practical prospects for its implementation. Criticism implies a deep immersion of the researcher into the problem and maximum objectivity in evaluating the results obtained. This is what is most often lacking. The legal sphere is already political and is an integral part of it. Political doctrines, as well as the law (one of the forms of expression of law), are always connected with the interests of social groups (In the former terminology — classes). In this regard, it is not necessary to expect neutrality in the estimates. This was the case at the time of total administration in the field of social sciences, and it is happening today, when methodological pluralism and ideological diversity are declared. During the Soviet period, “bourgeois” doctrines and their creators were particularly criticized. As time has shown, this criticism was largely justified. History as such consistently confirms a curious pattern: “progressive” thinkers eventually become “reactionary”, as well as vice versa. Moreover, not only in our country. The paper states the dual orientation of criticism. On the one hand, a critical approach allows a more objective assessment of the political and legal doctrine. This shows its cognitive (cognitive) aspect. On the other hand, criticism gives the researcher a chance to convey to the reader the essence of any theory, doctrine, and idea and give him the opportunity to evaluate them himself. In the conditions of actual censorship, criticism remains almost the only genre of characterization of political and legal doctrines.

Keywords: antithesis; argumentation; bourgeois; state; doctrine; criticism; law; cognition; politics; evaluation; negation; synthesis; thesis; theory; teaching.

Cite as: Kornev AV. Kritika «burzhuznykh» politicheskikh doktrin: poznanie cherez otritsanie [Criticism of “Bourgeois” Political Doctrines: Cognition through Denial]. *Lex russica*. 2021;74(10):125-136. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.179.10.125-136. (In Russ., abstract in Eng.).

Критике как жанру до настоящего времени не уделяется того внимания, которого она заслуживает. Для историографии истории политических и правовых учений критика как метод изучения сути теоретического уровня политического и правового знания имеет огромное значение. Мы должны понимать, что приращение нового знания возможно лишь на том фундаменте, который уже существует в науке. Как тут не вспомнить К. Маркса: «Все подвергай сомнению». Очень часто великие идеи приходят в этот мир в виде ересей, а со временем превращаются в догмы, что, собственно, и произошло с историко-материалистическим учением. Догматизация марксизма сослужила ему плохую службу: именно извращенные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса дискредитировали фундаментальные основания их учения. Так сложилось, что почти все идеи, которые были высказаны

выдающимися и не очень (при всей условности такой классификации) мыслителями прошлого, освещались в научной литературе советского периода под критическим углом зрения, иногда излишним, а порой слишком доброжелательным, то есть не очень критичным. В прежние времена явной симпатией пользовались взгляды Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна. Для них общество представлялось ареной битвы идей, а не столкновением материальных интересов. Разумеется, за это их критиковали. Но то, что данные мыслители не воспринимали современное им общество и государство, критиковали частную собственность и эксплуатацию, пытались теоретически и практически предложить принципиально новые формы общественного бытия, вызывало явную симпатию. В целом все взгляды, которые так или иначе не укладывались в прокрустово ложе историческо-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00779.

го материализма, подвергались, как правило, не то чтобы критике, а беспощадному остракизму. Надо прямо сказать, что критика порой принимала явно гротескные формы.

В конечном счете искушенным оппонентам марксизма-ленинизма в нашей стране, а также их консультантам из-за рубежа удалось сформировать негативный образ этого учения, лишённого какой-либо перспективы. Это у нас. А вот в мире совершенно другое отношение как к историческому материализму, так и к его создателям и приверженцам. Характерный пример — Китайская Народная Республика. Там, как известно, все преобразования, поразившие мир, осуществляются под руководством коммунистической партии. Си Цзиньпин, нисколько не страшась, открыто превозносит учение Маркса, а И. В. Сталина и вовсе считает великой исторической фигурой, гораздо более значимой, чем В. И. Ленин. И, по всей видимости, он прав. Другое дело, что за Сталиным тянется исторический шлейф в виде репрессий. Современный неомарксист Т. Иглтон высказывает не лишённое оснований мнение: «Как бы парадоксально это ни звучало, но в определенном смысле сталинизм не только не дискредитировал труды Маркса, но и представил свидетельства их истинности. Тщательный анализ причин возникновения сталинизма приведет вас к марксизму»³.

Критика имеет несколько смысловых значений, во всяком случае в современной речевой культуре. Если взять обыденный уровень, то мы понимаем под критикой неудовлетворенность тем, что делается, как делается и что из этого получается. Наиболее распространенный вид такого рода критики в политико-правовой сфере — это негативные высказывания в адрес проводимой правительством, в целом властью, государством политики. Обыватель оценивает деятельность власти на всех уровнях. «Перегибы на местах», как говорил один литературный герой, в массовом сознании выражаются в хорошо известной поговорке «Рыба гниет с головы».

При этом следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, любая политика в той или иной сфере, как правило, опирается на положение доктрины или доктрин (геополитических, политических, экономических, правовых). Правда, бывают и другие варианты. Общество и государство не имеют четко ориентированных це-

лей и задач. Реформы осуществляются ради реформ как таковых. И если нет позитивных результатов, то критика неизбежна. Во-вторых, критика критике рознь. По аналогии с реформами критика также может осуществляться ради критики, не преследуя каких-то четко поставленных целей. Аргументация в данном случае сама часто не выдерживает никакой критики.

В научной и учебной литературе любые оценки чего-либо в массовом сознании, или, как сегодня принято говорить, в коллективном разуме, обычно оцениваются не слишком высоко. И напрасно. *Никакой псевдоакадемизм не способен дезавуировать реальность — ту самую реальность, в которой пребывает каждый из нас и которую оценивает.* Конечно, обычный человек не всегда способен оценить действительность с научной точки зрения, но ему этого и не нужно. Если у него нет возможности реализовать какие-то обычные потребности, не выходящие за общепринятые рамки, то никакие доктринальные аргументы против его критических взглядов не помогут. *Все социальные теории без исключения в своих фундаментальных основаниях разбиваются о беспощадную реальность.* Как говорят в народе, «сколько ни повторяй “халва”, во рту слаще не станет». Да и потом, никакой демаркационной линии между научным и ненаучным знанием не существует. Любое научное знание, как и научный язык, есть восхождение от обыденного языка и, соответственно, восприятия. Следующим, более высоким этапом являются профессиональные знания, а вершиной — теоретические (научные) знания. И любой исследователь в своем научном росте проходит эти этапы. Другое дело, что «критичность» от этапа к этапу только возрастает. Чем выше научные претензии, тем выше потребность в научной состоятельности той или иной политико-правовой теории.

Критику как способ познания доктрины или теории можно рассматривать с различных позиций. Взять, к примеру, цель. Целеполагание во многом определяет направленность любой исследовательской деятельности и в некоторой степени предопределяет возможные результаты. Предположим, одни исследователи изучают и критикуют идеи других исключительно с точки зрения их научной состоятельности. Они обращают внимание на методологические основы того или иного учения, его аргументацию и пр.

³ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2017. С. 33.

Другие же предпочитают оценивать теорию с точки зрения перспектив ее реализации в процессе государственно-правового строительства. Теория может быть сколь угодно привлекательной, захватывающей, но, увы, имеющей мало шансов на воплощение в жизнь. Впрочем, как лозунг или символ. Великая французская революция, в теоретическом плане подготовленная просветителями и энциклопедистами, ассоциируется с прекрасной формулой «Свобода, равенство, братство». Однако если критически подойти к этой триаде, то можно заключить, что она совершенно несостоятельна, поскольку ее элементы несовместимы друг с другом. Свобода никак не предполагает равенства, а совсем наоборот. Существует слишком много неустрашимых препятствий на пути к этому счастливому венцу истории, в силу чего тот или иной общественно-экономический строй жертвует либо свободой во имя равенства (СССР), либо равенством во имя свободы (современная Россия). Никакие конституционные нормы не способны сломать существующее положение вещей. Запущенная в публичное пространство в период пандемии категория «социальная дистанция» есть одно из признаний неравенства, понимаемого в социальном, а не в правовом контексте. Социальная дистанция символизирует вертикаль коммуникаций, а не горизонталь, то есть когда «низы» не могут дотянуться до «верхов», а последние, в свою очередь, не хотели бы смешиваться с массой. В обществе есть достаточно факторов, чтобы социальную дистанцию в этом смысле четко соблюдать. Прочно утвердившиеся в нашем лексиконе словечки типа «элита», «звезда», «золотая молодежь» и пр. лишь подтверждают структурированность общества.

Критика в сфере политических и правовых учений являет собой особый род познания. В отличие от критики в других отраслях научного знания, она является инструментом, который используют в борьбе идей. Критика в других отраслях науки есть опровержение и в конечном счете — приращение нового знания. А вот критика в истории политических и правовых учений включена в логику борьбы. Что представляет собой холодная война? Борьбу идеологий, ценностей, культур. В отличие от «горячих» войн холодные имеют начало, но не имеют конца. Ибо идеи никогда не уходят на «заслуженный отдых»: точно так же как «борьба есть вечная работа права» (Р. фон Иеринг),

«борьба есть вечная работа идей». В этом смысле критика не всегда может базироваться на научной аргументации, главное здесь — показать неубедительность, несостоятельность аргументов оппонентов.

Тем не менее критика политических и правовых учений не может игнорировать особенности критического подхода как такового. Дело в том, что критика, преследующая цель доказывания несостоятельности какой-либо доктрины, рискует сама оказаться неубедительной. Критиковать также нужно уметь. Кто-то этим прекрасно владеет, а кому-то этого явно недостает.

Можно с определенной долей вероятности утверждать, что критика как особый жанр в истории политических и правовых учений связана с софистикой — направлением в греческой философии, основателем которого принято считать Протагора с его известной формулой «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих». Протагор был слушателем Демокрита, он первым заявил, что *о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом*. Он первым стал брать плату за уроки, устраивать состязания в споре и придумал уловки для тяжущихся. О мысли он не заботился, спорил о словах, и повсеместное нынешнее племя спорщиков берет свое начало от него. Это он выделил четыре вида речи: пожелание, вопрос, ответ и приказ⁴.

Софистика со временем приобретает нарицательный характер, а именно: спор ради спора. Примерное такое понимание софистики становится доминирующим. На это обстоятельство обращает внимание уже Диоген Лаэртский, указывая на то, что Протагора больше волновали слова, а не мысль. Порой создается впечатление, что критика как особый жанр не может освободиться от своего недуга до настоящего времени.

Софисты критиковали буквально все, что составляло части бытия современного им общества. Они не пощадили даже семью и богов. Протагор именно за это подвергался гонениям в течение своей жизни. У него, по его словам, недостаточно доказательств того, что боги действительно существуют. Конечно, такая позиция не могла получить широкого признания в эллинистическом обществе, даже несмотря на его толерантность. В прежние времена в научной и учебной литературе по истории политических

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 348–349.

и правовых учений Протагор и его последователи получали скорее положительную оценку. Им ставилось в заслугу то, что они «очеловечили» современное им бытие, то есть призывали все рассматривать через призму человека, его интересов. Коль скоро Протагор с учениками критиковал институты рабовладельческого общества, советская историография была к нему снисходительна.

Есть мнение, что «софисты осмыслили речь как искусство, подчиняющееся определенным приемам и правилам, и подчеркнули, что она далеко не всегда копирует реальность, но допускает ложь и обман... Протагор уверял, что способен заставить слушателей в корне изменить свои убеждения по любому вопросу... Подчеркивая изменчивость человеческих убеждений и их зависимость от множества противоречивых факторов, софисты все более отказывались от идеи, что главное, к чему должен стремиться оратор, — это выяснение истины. Она ставили своей целью научить выдавать слабое за сильное, а сильное — за слабое, совершенно не заботясь о том, как все обстоит на самом деле»⁵.

Собственно говоря, в истории политических и правовых учений такой подход не лишен оснований. Дело в том, что наука должна выяснять истинность той ли иной позиции, но не сам автор. Он, конечно, стремится обосновать свои взгляды. Разумеется, мыслитель, формируя ту или иную позицию, от чего-то отталкивается. Один прибегает к фактам, к эмпирике. Другой апеллирует больше к мнению авторитетов. Очень часто используется и теоретическая аргументация. *Тот, кто изучает историю политических и правовых учений, находясь на различных уровнях их познания, в состоянии постигнуть их смысл только при условии достижения определенной массы критичности, под которой следует понимать достигнутый уровень накопленного политико-правового знания, позволяющего объективно оценить учение, доктрину, идею.*

Возвращаясь к софистике, отметим, что Протагор, если попытаться избежать излишнего пафоса, предложил «новую философию жизни» и тем самым вольно или невольно расколол общество на две части. Этот раскол имеет место и сегодня. Традиционалисты в лице Платона недвусмысленно заявили: «У нас по-прежнему

мерой всех вещей являются боги (бог), а не человек, как думают некоторые шарлатаны». Этот поистине метафизический спор (подход) разделяет людей на две неравные части: одни (большинство) ориентированы на максимальное возможное удовлетворение своих материальных потребностей, другие (меньшинство) стараются жить по религиозным заповедям. Сегодня мы наблюдаем вселенское противостояние двух мировоззренческих парадигм: «смысл жизни» — «качество жизни». Совсем нетрудно определить, на чьей стороне большинство. Этот конфликт не имеет решения. Если брать западный культурный проект, то протестантизм отчасти и есть вариант ответа на эту дилемму.

Само слово «критика» имеет множество полутонов, различных нюансов. К примеру, спор, диспут, диалог и другие формы изложения позиции несут в себе известную долю критики. В литературе, искусстве, науке критика имеет какие-то общие черты, однако нельзя сказать, что все эти виды творческой деятельности одинаковы. Критика художественного произведения вовсе не предполагает его отрицания или умаления содержательного достоинства. Писатель совсем не обязан описывать жизнь такой, какой она является в действительности. В этой связи интересно мнение В. В. Набокова: «Истина состоит в том, что великие романы — это великие сказки, а романы в нашем курсе — величайшие сказки». И, что особенно важно, «...средним читателям нравится, когда им в привлекательной оболочке преподносят их собственные мысли»⁶.

Этим, пожалуй, можно объяснить слишком легкий путь к «писательству» современных авторов, которых в прежние времена именовали очень точно — графоманами.

До «Лолиты» В. Набоков зарабатывал на жизнь в основном чтением лекций по русской и зарубежной литературе студентам Корнелльского университета (США). Как он полагает, писателя можно оценивать с трех точек зрения: как рассказчика, как учителя, как волшебника. Все трое — рассказчик, учитель, волшебник — сходятся в крупном писателе, но крупным он станет, если первую скрипку играет волшебник⁷.

Критика может приводить к различным результатам. Так, гениальному композитору Д. Шостаковичу осложнила жизнь не просто

⁵ Ивин А. А. Теория аргументации. М., 2007. С. 10.

⁶ Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. СПб., 2016. С. 38.

⁷ Набоков В. В. Указ. соч. С. 43.

критическая, а разгромная статья «Сумбур вместо музыки», которая, однако, никак не повлияла на его место в мировой музыкальной культуре.

Критика в истории политических и правовых учений — жанр привычный, естественный. Политико-правовые идеи никогда не были нейтральными. Этот нюанс заставляет по-особенному оценивать их. Оценка предполагает критичность. В этой связи имеет смысл обратить внимание на следующее умозаключение: «Оценочное утверждение не является ни истинным, ни ложным. Оно стоит, как говорят, «вне категории истины». Оценки могут характеризоваться как целесообразные, эффективные, разумные, обоснованные и т. п., но не как истинные или ложные... К выражениям оценочного характера относятся всякого рода стандарты, образцы, идеалы и т. п.»⁸.

Ценностное отношение мысли к действительности находит свое выражение в разнообразных нормах. Норма есть социально навязанная и социально закреплённая оценка⁹.

Эти суждения имеют самое прямое отношение к такой сфере знания, как история политических и правовых учений. В какой-то степени любая идея, мысль, учение, теория есть не только описание того, что есть, но и его оценка. Применительно к истории учений можно сказать, что их творцы, выражаясь терминами В. В. Набокова, были и учителями, и рассказчиками, и волшебниками. Причем учителями нередко в буквальном смысле этого слова. Рафаил Гитлодей у Т. Мора был рассказчиком, а сам автор — утопистом, то есть волшебником. Можно привести массу примеров на этот счет.

Историография — отрасль научного знания. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что *критика есть один из методов изучения истории политических и правовых учений*.

Для раскрытия сути проблемы, содержащейся в названии статьи, вполне подойдет следующее определение: «Критика — оценка наличного теоретического или эмпирического знания, объективированного в печатных или рукописных источниках»¹⁰.

Ключевое слово здесь «оценка», что само по себе очень важно. Традиционно в науке принято считать, что оценки должны иметь макси-

мально объективный характер. Это правильно, и сколько-нибудь серьезные контраргументы против такой точки зрения выдвинуть трудно. Тем не менее применительно к истории политических и правовых учений достигнуть объективности не так просто. Во-первых, субъективен автор идеи, учения, концепции. Во-вторых, субъективен и сам критик, «оценщик». Можно ли полностью освободиться при оценке общественно-политической, социальной или, в нашем случае, политико-правовой мысли? По всей видимости, нет. Ибо в противном случае мы исключаем индивидуалистический аспект. Каждое учение — дитя своего времени. Оно неизбежно несет на себе его неизгладимые отпечатки. Рабство Платону и Аристотелю представлялось естественным состоянием, а современному человеку — нет. Деление общества на элиту и всех остальных кажется россиянину вполне обыденным, а советскому человеку это показалось бы чуждым. Это вовсе не значит, что все были абсолютно одинаковыми, но, во всяком случае, публично об этом никто не заявлял, и таковых претензий быть просто не могло, как принято говорить, по определению.

Есть индивидуальные предпочтения, политические ориентации, мировоззренческие позиции, принадлежность к разным социальным слоям и пр. Одним словом, в истории политических и правовых учений мы можем обнаружить массу факторов, которые в конечном счете влияют на оценку (критику) политических и правовых учений.

Что принято считать буржуазными учениями в истории политических и правовых идей? В советский период таковыми считались все те доктрины, которые создавались в капиталистических странах, если использовать прежнюю терминологию.

Кстати, о терминологии. В нашей литературе предпочитают не использовать такие понятия, как «капитализм», «буржуазное государство». Реабилитировали «империализм», да и то применительно к США. В ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации 12 мая 2021 г. прошел международный историко-правовой конгресс «Правовые традиции становления российской государственности», приуроченный к 300-летию провозглашения Российской империи. Спикеры конгресса, среди которых были и акаде-

⁸ Ивин А. А. Указ. соч. С. 144–145.

⁹ Ивин А. А. Указ. соч. С. 145.

¹⁰ Сырых В. М. Материалистическая теория права. М. : Изд-во РАП, 2011. С. 1251.

мики РАН, очень благожелательно отнеслись в своих выступлениях к империи как особому политико-территориальному устройству. Многие говорили, что империя не такое уж большое зло, как его раньше пытались представить. Отмечалось, что во многих европейских государствах регулярно стали проводить конференции, посвященные империям. Конечно, все отметили, что подобная проблематика пока еще не является предметом обсуждения в нашей науке.

От себя добавлю, что по данной теме постоянно выходит специальная литература, как отечественная, так и зарубежная¹¹. Что касается отсутствия внимания к проблематике империи, то с этим согласиться можно только отчасти. В учебнике под редакцией В. В. Лазарева «Общая теория права и государства» имеется целая глава «Теория имперского государства»¹².

Так вот, в силу вполне понятной стеснительности вместо «капитализма» и «буржуазного государства» российские авторы, за некоторым исключением, используют нейтральные понятия, такие как «современное общество», «переходный период» и т. д.

Исключительно важную мысль в русле истории политических и правовых учений высказывает С. Г. Кара-Мурза: «Нынешнее время нередко именуют “переходным периодом”. В этих словах скрыт большой смысл. Переход — от чего к чему? Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием»¹³.

С. Г. Кара-Мурза считает, что мы несколько ошибочно стремимся объяснить происходящие в нашем обществе процессы, такие как имущественное расслоение, бедность, падение уровня образования и здравоохранения, опираясь на «классовый» подход, то есть реанимацией «капитализма», «буржуазности» во всех смыслах этого слова. Между тем, по его мнению, войну на Кавказе (надеюсь, в прошлом. — А. К.) и политическое противостояние на Украине нельзя объяснить исключительно классовыми факторами. По его версии, «...фундаменталь-

ная причина нашего нынешнего состояния заключается в том, что за двадцать лет демонтирован, “разобран” главный субъект нашей истории, создатель и хозяин страны — народ. Все остальное — следствия»¹⁴. И, разумеется, диагноз: у нас не кризис, а Смута.

Если это так, то Смуты происходят прежде всего в головах, как считал М. А. Булгаков. Не хотелось бы думать, что С. Г. Кара-Мурза во всем прав. В главном, пожалуй, с ним можно согласиться. Некогда многомиллионной массе рабочего класса внушили мысль о том, что приватизация предприятий приведет исключительно к повышению эффективности производства и росту благосостояния. В итоге рабочий класс прекратил свое существование, многие предприятия развалились, а оставшиеся обогащают небольшую группу лиц преимущественно с двойным гражданством. О селе лучше вообще не говорить. Даже официальная статистика показывает просто удручающую картину социально-демографических показателей.

В последнее время Россию называют «кривым зеркалом Запада». В этом что-то есть. «Буржуазные» доктрины, в советские времена считавшиеся по меньшей мере фальшивыми, не дают пока того эффекта, который от них ожидали. Однако не стоит думать, что буржуазные мыслители только и делали, что приукрашивали современную им действительность.

В развитие этой мысли имеет смысл обратиться к В. В. Лазареву: «Ошибочно, например, рассматривать всякое указание на принадлежность мыслителя к определенному классу как непременно положительную или отрицательную оценку его идей. Этим часто грешили. Между тем выходцы из самых реакционных кругов могли пропагандировать весьма прогрессивные идеи, пусть это было и исключением из правил... Б. Спиноза, например, будучи выходцем из буржуазии и по большому счету представителем буржуазной идеологии, отнюдь не стремился отстаивать корыстные интересы своего класса и неоднократно заявлял о своем стремлении математически, объективно изучить природу человека и созданные им учреждения»¹⁵.

¹¹ Стретерн П. Расцвет и падение. Краткая история 10 великих империй. М., 2021.

¹² Корнев А. В. Теория имперского государства // Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева : учебник. 5-е изд., М. : Норма ; Инфра-М, 2010. С. 447–464.

¹³ Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции. М., 2007. С. 5.

¹⁴ Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М., 2007. С. 5.

¹⁵ История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. М., 2008. С. 30.

И так можно сказать не только о Спинозе. Бенедикт Спиноза, как и Гуго Гроций, в истории политических и правовых учений характеризуются как «ранние буржуазные» мыслители. Фундаментальный труд Г. Гроция назван «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права». Гроций видел истоки права в разумной природе человека. В этом смысле он следовал за Аристотелем и другими мыслителями Античности, замечая, что человеку свойственно мирное сосуществование с себе подобными. Он сторонник теории договорного происхождения государства. Исходя из этой методологической позиции, Гроций объясняет и «право войны». Многим мысль о том, что воевать нужно по правилам, показалась кощунственной. Однако он настаивал на своей позиции в силу того, что конфликты, войны устранить невозможно. Стало быть, необходимо всем договориться о правилах ведения боевых действий и по возможности исключить гибель мирного населения. В работе «Открытое море» Г. Гроций затронул вопрос правового режима мирового океана. Эпоха великих географических открытий позволила ведущим европейским государствам закреплять за собой огромные территории в качестве колоний. Особенно активно в этом смысле вела себя Англия — одна из величайших империй за всю историю человечества. Империалистический дух британцев активно поддерживался на уровне политических и правовых идей.

Прогрессивным мыслителем являлся и Б. Спиноза. Он оставил заметный след в истории политических и правовых учений. В таких работах, как «Богословско-политический трактат», «Этика», «Политический трактат», Спиноза старался объяснять природные и социальные явления через категории причинно-следственных связей. Социально-политическую сферу Спиноза излишне психологизировал, придавая аффектам слишком большое, практически абсолютное значение. С этим согласиться трудно. В то же время государство, по его мнению, будучи продуктом общества, со временем начинает жить по своим собственным законам, не всегда соотносясь с интересами социума. Форму правления Спиноза связывает с политическим и правовым сознанием, как сказали бы сегодня. Если общество достигло высокого политического сознания, то оно желает республиканской формы прав-

ления, а если нет, то находится под властью монархии.

Если посмотреть чуть дальше, то ранние буржуазные мыслители начали формироваться в канун буржуазных революций или стали их порождением. Политические, промышленные и научные революции протекали в одном пространственно-временном континууме. Это совсем не случайно. Политико-правовые процессы всегда опирались на какие-либо идеи, мировоззренческие установки. В эволюции социальных и политических форм бытия общества всегда большую роль играли лозунги, идеи, символы, у которых были конкретные авторы или группа авторов. В данном случае мы можем наблюдать одну закономерность: эпоха рождает людей с определенным набором качеств, и наоборот. В этой связи нельзя обойти вниманием Н. Макиавелли — создателя буржуазной политической науки. Он навсегда вошел в историю политической и правовой мысли уже тем, что ввел понятие государства, отделив юридический союз (общество) от политического (государства). Ему, конечно, не совсем повезло с историческим периодом. Он хотел возрождения любимой им Италии, и в этой связи его не совсем волновали те методы, при помощи которых этот вопрос будет решен. Его учение, как и имя, к сожалению, стало нарицательным. Однако величие этого выдающегося мыслителя не удалось поколебать никаким критикам.

В прежние времена практически всех «буржуазных» мыслителей делили на прогрессивных и реакционных. Все зависело от того, каким образом их идеи соотносились с господствующим марксистско-ленинским учением, то есть как его понимали в тот или иной период построения социализма в отдельно взятой стране, а затем и во всем мире. Хотелось бы при этом избежать сарказма. Многие не смогли. Социалистическая идея потому и была дискредитирована, поскольку она реально работала. И до сих пор исправно работает. Мы по привычке киваем на Китай и совсем упустили из вида социалистический Вьетнам. А в этой стране происходят колоссальные по своим результатам процессы. Народ, не сломленный американским империализмом с его варварскими методами ведения войны, сегодня полон решимости встать в один ряд с самыми передовыми странами.

Ш. Л. Монтескье, к примеру, был более близок к прежним идеологическим установкам,

Ж. Ж. Руссо, выходец из социальных низов, — еще ближе: он критически относился к частной собственности, был сторонником идеи эгалитаризма, утверждал, что суверенитет принадлежит народу. Законы, по его мнению, есть «...акты общей воли»¹⁶. Ну а в проекте конституции для Корсики и вовсе содержится шедевр: «Народы будут трудолюбивы, когда труд в почете, а сделать ли труд почетным, всегда зависит от правительства»¹⁷.

У нас много рассуждают о благополучии, уровне жизни и пр. Но ведь источник всего этого — труд. А разве он у нас в почете? Нет, главное — успешность. В стране, в которой утвердился культ денег в качестве главного мерила, немногочисленные Герои Труда изменить общую картину не в состоянии.

А вот Вольтер, который никогда не скрывал, что свой ум и многочисленные таланты он посвятил буржуазии — самому прогрессивному классу, как он считал, в советской историографии истории политических и правовых учений критиковался больше других. По сути его воззрения на избирательное право и заложили цензовый характер избирательных систем некоторых европейских государств. В то же время Вольтер считался «дирижером» Просвещения, призывал раздавить «гадину», то есть церковь, а стало быть, не мог целиком быть записан в «неправильные» мыслители.

И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, в меньшей степени И. Г. Фихте — представители немецкой классической философии. Немецкая философия — явление уникальное. Не случайно ее признали одной из «трех составных частей марксизма-ленинизма». Оба немецких философа (хотя Кант считал себя пруссом) были идеалистами и уже по этой причине не могли быть признаны целиком.

И. Кант очень привлекателен со своим «категорическим императивом». Кто же будет возражать против его формулы «Никогда не относись к человеку как к средству, а только как к цели»? Однако «буржуазный индивидуализм» Канта сразу же выходит наружу, когда он фактически оправдывает убийство другого, если

существует реальная опасность для собственной жизни. Русская поговорка «Сам погибай, но товарища выручай» явно не вписывается в подходы кёнигсбергского философа. И. Кант — один из основоположников теории правового государства и правового закона, споры вокруг которых не утихают до настоящего времени. Тем не менее Кант воспринимается современной российской наукой в безоговорочно положительном ракурсе.

С Гегелем все сложнее. К. Поппер¹⁸ записал Гегеля во враги открытого, демократического общества. Немецкий философ действительно подогревал национально-патриотические чувства немцев во время оккупации немецких земель войсками Наполеона. Это правда. Но, как и в случае с Н. Макиавелли, причина подобных настроений одна — спровоцировать дух сопротивления для освобождения родной земли. Не вина Гегеля, что его вполне объяснимые идеи были использованы идеологами национал-социализма по своему разумению. Гегель — этактист, но этактист правовой (В. С. Нерсесянц). Об этом также не стоит забывать.

Мы во многом пользуемся пониманием гражданского общества, которое предложил Гегель, как и другими категориями, которые входят в когнитивные (познавательные) структуры. В то время, когда критика буржуазных мыслителей была выигрышным жанром в отечественной историографии, Гегеля особенно критиковали за то, что он поставил политические институты в зависимость от некоей абстрактной идеи, общество счел порождением государства, а государство у него якобы стоит над собственностью.

Слабость подобной аргументации очевидна. Достаточно просто посмотреть на действительность. Тем не менее Г. Гегель навсегда оставил свой след в истории политических и правовых учений, философии права. Как красиво звучит: «Задача философии — постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум». Или «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права». И еще: «Почвой права является вообще духов-

¹⁶ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М., 2000. С. 228.

¹⁷ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. С. 369.

¹⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Культурная инициатива ; Феникс, 1992.

Автор бежал из Европы, во многих странах которой были установлены откровенно фашистские режимы, в Австралию, где дописывал эту книгу. «Открытое общество» — это «цивилизованные» Европа и США. Кто не с ними, тот, получается, вроде как враг.

ное, и его ближайшим местом и исходной точкой — воля, которая свободна...»¹⁹.

Однако вся эта «красота» не выдерживает критики при соприкосновении с реальностью. Не уверен, что все, что есть, есть разум. Пусть человек должен найти в праве свой разум, но кто его, то есть право, создает? Оно что, существует как бы изначально, с момента рождения времени? Неужели почвой права является духовное? Не думаю, что духовной природой права были связаны разработчики законодательства (одной из форм права), на основе которого осуществлялась приватизация и проводились залоговые аукционы в нашей стране. Так что критиковали Гегеля во многом обоснованно. И тем не менее его «Философия права» навечно останется одной из величайших книг, посвященных праву.

В советский период критиковались «отцы-основатели» США, оставившие труды в области политической науки и истории политических и правовых учений, — Б. Франклин, Т. Пейн, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон. Вольно или невольно, но облик США в советские времена, особенно в период холодной войны, которая, как оказалось, и не заканчивалась вовсе, отбрасывал негативный отблеск на труды американских политических мыслителей. И все-таки и в дореволюционный (особенно), и в советский периоды в этой критике проглядывала определенная доля симпатии. При всех нюансах, порой откровенно расистских, становления американской государственности и культуры никто не станет отрицать титанических усилий, культа труда, предприимчивости, которые позволили создать сверхмощную, технологически мощную цивилизацию. Да, США вызывают множество чувств: восхищение, зависть, страх, озлобление и пр. И все-таки следует смотреть объективно. Есть очень много в этой культуре того, что не может оставлять равнодушным. Труд, права человека и его достоинство, свобода, независимость, договорные отношения с властью — все это в совокупности в литературе, даже в критическом плане, достойно внимания. В советский период считалось, что история США не оказывает серьезного влияния на реальный процесс государственного строительства политических идей. С этим сложно согласиться, если смотреть объективно.

Особая тема — дореволюционные авторы. После Октябрьской революции 1917 г. какое-то время наблюдалась академическая свобода. Затем все резко изменилось. Некоторая часть русских ученых уехала добровольно, других выслали на двух знаменитых «философских теплоходах». Были и те, кто принял новую власть, но вынужден был в целях продолжения академической карьеры скорректировать свои взгляды. Однако самое главное заключается в том, что книги дореволюционных авторов попали в так называемый «спецхран». Читать их было позволено только избранным и по специальному разрешению, да и то в целях критики. Не совсем понятно, зачем это было сделано. Конечно, Б. Н. Чичерин, что называется, на дух не переносил социалистических идей. А подавляющее большинство соглашалось с тем, что в марксизме (при всей некорректности этого слова) как раз экономическая составляющая, и особенно происхождение собственности, права, классов, заслуживает самого серьезного внимания. Не безоговорочного признания, но внимания — точно. Дореволюционные авторы, которых всех записали в «буржуазные» мыслители, в своем абсолютном большинстве не приняли большевизма как политической практики. Тот же П. И. Новгородцев всюду отстаивал право на достойное существование как главное право человека, которого нет ни в одной декларации и конституции.

Учебники советского периода, как по теории государства и права, так и по истории политических и правовых учений, как правило, всегда содержали отдельные параграфы и даже главы, посвященные критике буржуазных идей и политических институтов, воплощением которых они являлись. Характерные названия соответствующих параграфов учебников по теории государства и права: «Критика буржуазных воззрений на происхождение государства и права», «Критика буржуазных учений по вопросу сущности государства и права», «Критика буржуазных учений о правовом и социальном государстве», «Критика буржуазной демократии», «Критика буржуазной законности» и т. д.

Что касается учебников по истории политических и правовых учений, то можно сослаться на едва ли не последний советский учебник, в котором одна глава названа «Критика буржуазных политических и правовых учений второй полови-

¹⁹ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 55, 57, 67.

ны XIX века», а другая — «Критика буржуазных политических и правовых учений эпохи империализма и общего кризиса капитализма»²⁰.

И надо сказать, что эта критика не всегда была огульной, несправедливой. Любой строй поощряет безотносительно к историческому периоду ту идеологию, которая подчеркивает его достоинства и ретуширует недостатки. И эта критика имела вполне определенную цель, которую выразил академик А. Я. Вышинский: «Советская наука, в том числе и наука советского права, стоит перед важной задачей всестороннего использования науки и культуры капиталистического общества»²¹.

Таким образом, критика имеет двойственную природу. С одной стороны, критика есть один из способов познания, в данном случае — политических и правовых учений. Критический подход всегда будет входить в арсенал историографии политических и правовых учений. Как тут не вспомнить гегелевскую триаду «тезис —

антитезис — синтез». С другой стороны, критика направлена не только на доказательство несостоятельности того или иного политико-правового учения, но и на выявление позитивного, заслуживающего внимания коллективного социального опыта и его обобщение в отдельно взятой доктрине.

И конечно же, нельзя не сказать вот о чем. Когда имеет место администрирование в социальных науках, критика порой остается единственным способом донести до читателя суть идеи, доктрины, учения. А он пусть сам решает, что там вымысел, а что нет. В этом смысле критика выступает в роли своеобразного эзопова языка. Здесь как нигде важен не столько текст, сколько контекст и подтекст. Вдумчивый читатель всегда поймет то, о чем не удалось открыто написать автору. Примером может служить не потерявшая своей актуальности работа В. А. Туманова «Буржуазная правовая идеология: К критике учения о праве» (М., 1971).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. — 418 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
3. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М. : Мысль, 1986. — 571 с.
4. *Ивин А. А.* Теория аргументации. — М. : Высшая школа экономики, 2007. — 319 с.
5. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав. — М. : Карьера Пресс, 2017. — 288 с.
6. История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. — М. : Юрид. лит., 1988. — 816 с.
7. История политических и правовых учений / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Высшее образование, 2008. — 917 с.
8. *Кара-Мурза С. Г.* Демонтаж народа. — М. : Алгоритм, 2007. — 704 с.
9. *Кара-Мурза С. Г.* Власть манипуляции. — М. : Академический проект, 2007. — 384 с.
10. *Корнев А. В.* Теория имперского государства // *Общая теория права и государства* / под ред. В. В. Лазарева. — М. : Норма ; Инфра-М, 2010. — 592 с.
11. *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 544 с.
12. *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре. — М. : Терра — Книжный клуб ; Канон-Пресс-Ц, 2000. — 544 с.
13. *Сырых В. М.* Материалистическая теория права: Избранное. — М. : Издательство Российской академии правосудия, 2011. — 1259 с.

Материал поступил в редакцию 31 мая 2021 г.

²⁰ История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1988. С. 569, 692.

²¹ *Академик Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 400.

REFERENCES

1. Vyshinskiy AYa. Voprosy teorii gosudarstva i prava [Issues of the theory of state and law]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury; 1949. (In Russ.)
2. Hegel GVF. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow: Mysl; 1990. (In Russ.)
3. Ivin AA. Teoriya argumentatsii [Theory of argumentation]. Moscow: Higher School of Economics; 2007. (In Russ.)
4. Eagleton T. Why Marx was right. Moscow: Karera Press; 2017. (In Russ.)
5. Nersesyants VS, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy [History of political and legal doctrines]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1988. (In Russ.)
6. Lazarev VV, editor. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy [History of political and legal doctrines]. Moscow: Vysshee obrazovanie 2008. (In Russ.)
7. Kara-Murza SG. Demontazh naroda [Dismantling the people]. Moscow: Algoritm; 2007. (In Russ.)
8. Kara-Murza SG. Vlast manipulyatsii [The power of manipulation]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2007. (In Russ.)
9. Kornev AV. Teoriya imperskogo gosudarstva [The Theory of the Imperial State]. In: Lazarev VV, editor. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [The General Theory of Law and the State]*. Moscow: Norma: Infra-M; 2010. (In Russ.)
10. Laertskiy D. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl; 1986. (In Russ.)
11. Nabokov V. Lektsii po zarubezhnoy literature [Lectures on foreign literature]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus; 2016. (In Russ.)
12. Rousseau JJ. Ob obshchestvennom dogovore [About the social contract]. Moscow: Terra-Knizhnyy Klub; Canon-press-Ts; 2000. (In Russ.)
13. Syrykh VM. Materialisticheskaya teoriya prava. Izbrannoe [Materialistic theory of law. Selected work]. Moscow: RAP; 2011. (In Russ.)